

Елена
Первушина

СЛОВА ПОТЕРЯННЫЕ
И НАЙДЕННЫЕ

КАК РОЖДАЮТСЯ
И УМИРАЮТ СЛОВА

Елена Владимировна Первушина
Слова потерянные и найденные
Серия «Русский без ошибок»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43612255
Слова потерянные и найденные: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-102253-2*

Аннотация

В новой книге известного писателя Елены Первушиной на конкретных примерах показано, как развивался наш язык на протяжении XVIII, XIX и XX веков и какие изменения происходят в нем прямо сейчас. Являются ли эти изменения критическими? Приведут ли они к гибели русского языка? Автор попытается ответить на эти вопросы или по крайней мере дать читателям материал для размышлений, чтобы каждый смог найти собственный ответ.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Первушина Слова потерянные и найденные

Предисловие

Можно собирать марки, значки или старые монеты. Я собираю билеты из музеев, в которых побывала, и слова. Самые разные: повседневные, происхождение и исходное значение которых мы уже не помним; забытые, те, от которых были без ума наши бабушки и дедушки; воскресшие и получившие вторую жизнь; новехонькие и блестящие, как никелевая монетка, а также пробирающиеся в наш язык тайно, окольными путями. Обе мои коллекции не занимают много места. Билеты лежат в большом альбоме для фотографий, а слова умещаются в голове, и иногда я рассказываю о них читателям журнала «Наука и жизнь»¹.

К моему великому сожалению, я не филолог и не линг-

¹ Российский и советский ежемесячный научно-популярный иллюстрированный журнал широкого профиля. Основан в октябре 1934 года. В послевоенный период тираж журнала был одним из самых высоких в Советском Союзе, например в 1980 году он составлял 3 млн экземпляров (один номер). После распада СССР тираж резко сократился и в 2000-е годы упал до менее чем 50 тыс., а первый номер 2019 года насчитывает 28 тыс. экземпляров. – *Прим. ред.*

вист. Я писатель, и слова для меня – орудия труда. Каждое из них я рассматриваю прежде всего с такой точки зрения: когда и как я смогу использовать их в статье или книге. Но если я хочу, чтобы слова в тексте работали «на все 100%», раскрыли весь свой потенциал, мне важно знать его, важно знать происхождение слов, то, в каком контексте они обычно употребляются, в какое новое окружение их можно вписать, чтобы они позволяли взглянуть на обсуждаемую проблему с неожиданной стороны и одновременно не звучали смешно и нелепо. Или наоборот, чтобы именно так они и звучали. Ведь таким образом может родиться острота или афоризм. Но для того чтобы правильно использовать слово, нужно сначала узнать всю его жизнь: как оно родилось, какие превращения претерпело, что означает в настоящее время.

«Только змеи сбрасывают кожи», – писал Николай Гумилёв. Но на самом деле язык тоже умеет менять свою «кожу» – словарный состав. И даже обновлять свой «скелет» – грамматические конструкции. Но язык не линяет, как змея, сбрасывая кожу целиком. Скорее это похоже на то, как меняется кожа человека – по одной клеточке (слову) за раз. А значит, в любой момент мы можем найти в живом разговорном языке и слова устаревающие, которые вот-вот забудутся, отойдут в область преданий, и слова новые, которые только входят в нашу речь, кажутся непривычными, а иногда даже «дикими», но наши дети уже с удовольствием пользуются ими, и, может быть, мы тоже скоро привыкнем к ним. Устаревшие

слова мы, скорее всего, рано или поздно забудем, потеряем, как потеряли школьных друзей. Но если время от времени мы станем заглядывать в школьные альбомы (словари), то, может быть, в один прекрасный день захотим найти забытого друга в сети «Одноклассники», или ввернуть такое «ретро»-словцо в нашу речь там, где сочтем это уместным. А если мы поймем происхождение новых слов и догадаемся, зачем они пришли в наш язык, они, вероятно, уже не будут представляться такими нелепыми и безобразными.

Давайте на конкретных примерах проследим, как развивался наш язык на протяжении XVIII, XIX и XX веков и какие изменения происходят в нем прямо сейчас. Являются ли эти изменения критическими? Приведут ли они к гибели русского языка? Этот вопрос сейчас волнует многих. Я попыталась ответить на него, прекрасно понимая, что не может быть точного и окончательного ответа, когда мы имеем дело с таким глобальным явлением. Но язык – это моя работа, вернее, та среда, в которой я работаю (как подводники работают в воде, а летчики – в воздухе). И мне важно знать, «какая погода будет завтра», даже если этот прогноз окажется таким же предположительным и гадательным, как большинство метеопрогнозов. Вам интересно погадать вместе со мной? Тогда я приглашаю вас на страницы этой книги. Надеюсь, что, когда вы прочтете ее, у вас будет новый материал для размышлений, который позволит найти собственный ответ.

Глава 1

Поймем ли мы человека XVIII века?

Мне хотелось бы начать эту книгу как-нибудь красиво и торжественно. Наподобие того, как начинали классики. Например, так:

НЕ ЛЪПО ЛИ НЫ БЯШЕТЪ, БРАТІЕ, НАЧАТИ
СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ТРУДНЫХЪ ПОВѢСТІЙ О
ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ СВЯТЬСЛАВЛИЧА?

Скорее всего, вы узнали начало (зачин) «Слова о полку Игореве». Вы проходили его в школе? Вам удалось прочитать весь текст на древнерусском языке? Вряд ли. По большей части школьники – кто раньше, кто позже – «сдаются» и переходят к переводу Заболоцкого или к любому из переводов «Слова...» на современный русский язык. (Всего их около 80.) Чтение статей об особенностях языка «Слова...» и тонкостях перевода – очень интересное занятие даже для тех, кто не является лингвистом или историком. Добавлю только, что, по-видимому, многие слова произносились не так, как нам сейчас привычно, и непривычная, «дореформенная», орфография, с использованием букв «ять», «і» и «твердого знака» на конце слов и между согласными пыта-

ется передать эти особенности. (В частности твердый знак раньше имел звучание и произносился как очень короткое «о».)

«Слово...» написано, предположительно, в конце XII века, и очевидно, что с тех пор русский язык сильно изменился. Но не станем углубляться так далеко в историю! Отступим всего на триста лет и посмотрим, как писали в те времена. Сможем ли мы, например, понять русский язык XVII века? Давайте попробуем!

В 1672 году царь Алексей Михайлович Романов устроил в подмосковном селе Преображенском для своего двора, а главное – для новой царицы, юной красавицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, невиданное развлечение по европейской моде – театральное представление. Автором пьесы и режиссером стал живший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал более шестидесяти подростков – детей служилых и торговых иноземцев – и обучил их театральной науке.

Пьеса называлась «Эсфирь, или Артаксерксово действо» и была рассчитана на десять часов игры. Некоторые монологи звучали как страстное признание в любви Наталье Кирилловне. Например, вот этот, с которым персидский царь Артаксеркс обращался к Эсфири:

О ЖИВОТА МОЕГО УТЕШЕНИЕ
И СЕРДЦА МОЕГО УСЛОЖДЕНИЕ!
СКОРЬ Б О В ГРУДЕХ МОИХ ПРЕБЫВАЕТ,

ЗАНЕ СИЛА МИ ОСКУДЕВАЕТ,
ЯКО ЖЕ СЕРДЦЕ МОЕ ЖЕЛАЕТ ИЗЪЯВИТИ,
КАКО ТЯ ДУШИ МОЕГО СЕРДЦА ИМАМ
ЛЮБИТИ!²

Окончания существительных и глаголов кажутся нам необычными, мы больше не используем вместо слова «жизнь» слово «живот», но в целом текст вполне «удобочитаем» и понятен без перевода.

Но рано радоваться! Прочтите-ка отрывок из мемуаров одного из сподвижников Петра князя Бориса Ивановича Куракина. Куракин, крестник царя Федора Александровича, старшего брата Петра, был его спальником (помогал царю готовиться ко сну и одеваться по утрам), входил в потешный Семеновский полк, участвовал в Азовских походах, а в 1696 году его направили в Италию для изучения морского дела, фортификации и математики. Вот что он рассказывал о своей влюбленности, пережитой во время путешествия:

«Въ ту свою бытность былъ инаморатъ славную хорошествомъ одною чинадинку, называлася signora Francesca Rota, которую имѣлъ за медресу во всю ту свою бытность. И такъ былъ inamorato, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ

² См.: Державина О. А., Демин А. С., Ромодановская Е. К., под ред. Робинсона А. Н. Первые пьесы русского театра. М. : Наука. 1972. С. 209.

изъ сердца моего тотъ атог не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ, и взялъ на меморію ея персону и общалъ къ ней опять возвратиться...»³.

Пожалуй, без словаря не разберешь. Причем для расшифровки этих нескольких строчек понадобятся по меньшей мере три словаря. Из итальянско-русского мы узнаем, что *innamorato* означает «быть влюбленным», *cittadino* – «гражданин, горожанин», а в данном случае, видимо, «горожанка»; словарь крылатых слов латинского языка сообщит нам, что выражение *in memorigo* означает «на память». А еще пригодится большой энциклопедический словарь, который скажет, что:

ПАРСУНА (искажение слова «персона») – условное наименование произведений русской, белорусской и украинской портретной живописи кон. XVI – начала XVII в., сочетающих приемы иконописи с реалистической образной трактовкой.

Видите, какая большая работа нам понадобилась для того, чтобы узнать, что, будучи в Италии, Борис Куракин влюбился в прекрасную итальянку Франческу Рота и взял на память ее портрет.

³ Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. 1676–1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. – Т. 1. Спб., 1890. С. 278.

А вот как начинает князь сочинение «Гистория о царе Петре Алексеевиче»:

«В помощи Вышнего и в надеянии его святой милости продолжение веку моего и во исцеление от моей болезни, начинаю сей увраж давно от меня намеренный в пользу моего Отечества, Всероссийской империи и в удобность публичную, прося Вышнего, дабы благословил меня по моему желанию, ко окончанию привести» ⁴.

Мы готовы смириться с тем, что слово «история» Куракин пишет как «гистория», пытаясь передать ее написание по-латыни (*historia*), что вместо «в надежде на милость» (винительный падеж) он пишет «в надеянии милости» (родительный падеж), что он создает невиданное нами причастие – «давно от меня намеренный», которое не сразу и сообразишь, как перевести на современный русский язык. Но что еще за «увраж», который он начинает? А это снова проявилась любовь Куракина к иностранным словечкам! По-французски *ouvrage* означает «сочинение», «труд».

Правда, далеко не все русские люди в начале XVIII века уезжали за границу и не во всех головах варилась такая «языковая каша», как у Куракина. Сам Петр I строго выговаривал тем мастерам, которые начинали вставлять в свои донесения

⁴ Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб. «Пушкинской фонд», 1993.

слишком много иностранных терминов. Одному из них он писал: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Однако, браня мастера, Петр, сам не заметив того, написал слово «реляция», пришедшее из латинского языка (*relatio*, от глагола *referre* – передавать), вместо исконно-русского слова «донесение».

Но, говоря по чести, прекратить заимствовать иностранные слова было не так просто, а порой и невозможно. По Петербургу в начале XVIII века ходил анекдот о переводчице, которому поручили перевести французскую книгу по садоводству. Бедняга промучился некоторое время и в конце концов покончил жизнь самоубийством, отчаявшись передать французские понятия по-русски.

Возможно степень «засорения» языка иностранными словами прежде всего зависела от обстоятельств жизни того или иного деятеля Петровской эпохи, от его биографии и склада характера. И даже не возможно, а вполне вероятно. Нам уже известно, что на князя Куракина огромное впечатление произвели его заграничные поездки и он до конца жизни не мог избавиться от полюбившихся иностранных словечек.

Но вот для сравнения отрывок из произведения другого биографа Петра Андрея Нартова. Речь идет о визите Петра в Англию:

«Апреля 12-го скрытно был государь в парламенте. Там видел он короля на троне и всех вельмож королевства, сидевших купно на скамьях. Прослушав некоторых судей проносимые речи, которых содержание государю переводили, его величество к бывшим с ним россиянам сказал: “Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно”»⁵.

Немного непривычной покажется манера датировки письма – сначала указан месяц, затем день. Возможно, странно прозвучат слова «купно» и «сему-то» (этому-то), но в целом нам не придется звать переводчика и лезть в словарь, чтобы понять эту историю. На сей раз автор, Андрей Нартов, носил звание «царева токаря», работал с Петром в Летнем дворце и был в курсе подробностей повседневной жизни государя, слушал его рассказы и рассказы его ближайших друзей. Нартов не был дворянином, предполагается, что он происходил из посадских людей. Может быть, он просто не знал иностранных языков и потому не мог вставлять иностранные слова в свою речь? Нет! По поручению Петра Нартов побывал в Голландии, Франции и Англии, «приобретая знания в механике и математике». Может быть, свою роль сыграло то, что Нартов был почти на двадцать лет моложе Куракина? Он родился в 1693 году, а Борис Иванович – в 1676-м. А воз-

⁵ Там же.

можно, все дело просто в нашем восприятии, и в том, что слово «парламент» давно вошло в наш повседневный словарь и мы уже не воспринимаем его как иностранное, а со словом *ouvrage* этого не произошло? Меж тем «парламент» должно было звучать «чужеродно» не только для русских, но и для англичан. Ведь оно происходит от французского глагола *parler* – говорить.

Несомненно, что в XVIII веке в русский язык хлынул поток иностранных терминов, также как хлынул поток иностранных специалистов в Россию. Повседневная жизнь высшего света зримо «онемечилась»: костюмы стали европейскими, на открытых собраниях для лиц обоего пола – ассамблеях – танцевали европейские танцы, лакомились европейскими деликатесами и винами и курили европейские трубки. Но русский язык не погиб, не задохнулся под натиском немецких, голландских, французских, итальянских и английских слов. Он видоизменил и принял те из них, которые ему понравились, а другие – перевел. Так, старинное название местопребывания царя и царского двора, митрополита, архиерея или знатного боярина – «палаты» (от латинского *palatium*) постепенно было вытеснено исконно русским словом «дворец» (от «княжий двор»).

Язык любого человека зависит от времени, когда он жил,

среды, где он родился, рос и учился. В современном мире на человека влияет не только язык его окружения, но и «официальный» язык, прежде всего телевидения, затем радио, газет, журналов и т. д., это приводит к некоей унификации, формированию «литературной нормы» и пониманию, какие слова и выражения в каких ситуациях уместны. В XVIII веке такое «единое языковое поле» лишь начинало складываться и допускало довольно значительные отклонения.

Сознательно созданием нового русского литературного языка занялся Михаил Васильевич Ломоносов, выпустивший книги «Риторика» (1748) и «Российская грамматика» (1757). Сам Ломоносов изучал риторику на философском факультете Марбургского университета, потом читал лекции о «стихотворстве и штиле российского языка», будучи адъюнктом Санкт-Петербургской Академии наук и художеств.

В 1743 году, в разгар борьбы Ломоносова с иностранными профессорами Академии, ученый попал в тюрьму за нападки на коллег. Академики жаловались, что Михаил Васильевич «поносил всех прочих профессоров многими бранными и ругательными словами» и грозился своим оппонентам «поправить зубы».

Заключение длилось полгода. В это время Ломоносов и написал «Риторику», а после его освобождения книга была издана тиражом 527 экземпляров, которые разослали по книжным лавкам столицы.

Сам автор так объяснял цель своего труда: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по её могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадёжен, предпринял я сочинение сего руководства, но больше в таком намерении, чтобы другие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении российского слова дерзновенно простирались»⁶.

Книга оказалась востребованной, ее быстро распродали, и спустя четыре года Ломоносов подал в Канцелярию рапорт: «Понеже многие охотники почти ежедневно спрашивают и желают иметь у себя... «Риторики» на российском языке первого тома, которой ныне в Академической книжной лавке за употреблением в продажу уже давно не имеется, того ради сим представляю, дабы Канцелярия Академии наук благоволила приказать «Риторики» ещё потребное число для удовольствия охотников вновь напечатать». При жизни Михаила Васильевича книгу допечатывали еще дважды.

⁶ М. В. Ломоносов. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М., Л., Издательство Академии наук СССР, 1952.

«Российская грамматика» опубликована в 1757 году тиражом в 1200 экземпляров. В предисловии Ломоносов приводит свою знаменитую притчу: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелем, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

В главе, посвященной грамматическим правилам, Ломоносов пишет: «В правописании наблюдать надлежит, 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений». То есть он пытался не ввести грамматику «сверху», а, наоборот, вывести ее правила из повседневной речи.

Но как отличить языковую норму от закрепившейся

ошибки? Ломоносов рекомендует ориентироваться на происхождение слов: «Между буквами самогласными должно различать, во-первых, “а” от “я”, которые иногда в иностранных речениях без разбору употребляются: “италианецъ” вместо “италиянецъ”, “азіатецъ” вместо “азіятецъ”, ибо в именительном пишем: “Италія”, “Азія”». Вместе с тем, он отмечает, что «“Е” и “я” нередко заедино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут: “святые” и “святыя”. Сие различие букв “е” и “я” в родах имен прилагательных никакого разделения чувствительно не производит, следовательно, обоих букв “е” и “я” во всех родах употребление позволяется, хотя мне и кажется, что “е” приличнее в мужеских, а “я” в женских и средних. Но “тену”, “яму” вместо “тяну”, “ему” непростительны, и сожалетельно, что для избежания сих погрешностей не можно предписать других правил, кроме прилежного учения российской грамоте и чтения книг церковных, без чего и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может».

Что же касается трех перечисленных диалектов, то Ломоносов отдает предпочтение московскому, но с некоторыми важными оговорками: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы “о” без ударения, как “а”, много приятнее, но от того московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церковным книгам читать учились, в

правописании часто погрешают, пишучи “а” вместо “о”: “хачу” вместо “хочу”, “гавари” вместо “говори”. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно»⁷.

Еще Михаил Васильевич написал маленькую пьесу «Суд российских письмен перед разумом и обычаем от грамматики представленных», которую назвал «Лекарство от скуки и забот». Сюжет ее таков: на суд к Обычаю и Разуму приходит Грамматика – «боярыня... которая завсегда в алом платье с черными волосами ходит, и одно слово говорит десятью». Грамматика жалуется на то, что буквы ссорятся между собой, и просит рассудить их. В чем же предмет их спора? «Б. говорит, что Е. выгоняет меня из «мѣста», «владѣнія» и «наслѣдія», однако я не уступлю. Е. недоволен своим «селением» и «веселием», меня гонит из «утѣшенія». Е. пускай будет довольствоваться «женою», а до «дѣвиц» дела нет... Ф. жалуется, что Θ. отлучает его от «философов» и от «Филис»; пускай она остается с своим «Θокой», «Θадѣм» и «Θирсом». Θ. говорит, что я имею первенство перед Ф. у «Θеофана» и у «Θеофилакта», и для того в азбуке быть после его не вместо... С. и З. спорят между собою в предложениях» и т.д. За шуточными этими баталиями проглядывает

⁷ М. В. Ломоносов. Российская грамматика. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М., Л., Издательство Академии наук СССР, 1952.

продолжающееся «устройство языка», установление правил русской орфографии, которое не закончится и в следующем, XIX веке.

Важные положения Ломоносов сформулировал также в статье «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»⁸. Ученый поделил слова русского языка на три группы. Первая – слова, общие для церковнославянского и русского языков, такие как: «бог», «слава», «рука», «ныне», «почитаю». Ко второй «принадлежат слова, кои хотя еще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, которой, пока, лишь». То есть хорошо знакомые нам и прочно занявшие место в современном русском языке, чисто русские слова, не имеющие связи с церковнославянским языком.

Далее Ломоносов пишет: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три шти-

⁸ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1986.

ля: высокий, посредственной и низкой. Первой составляется из речений славено-русских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует русский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великой осторожностью, чтоб слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить героизм и высокие мысли, в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, еклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений

благородных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.